

О СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Член-корреспондент АН СССР
В. И. ЧЕРНЫШЕВ

В. И. ДАЛЬ

Скульптурный портрет
Н. П. Овчаренко и Н. Л. Буниной

(...) Ровесник и друг Пушкина, на долго его переживший (родился в 1804, скончался в 1872 году), по происхождению — обрусовший датчанин, по образованию — врач-хирург, учившийся в Дерптском университете вместе с Н. И. Пироговым (который признавал В. И. Даля очень одаренным человеком), известный писатель, под псевдонимом «Казак Луганский» (по месту рождения: Луганский завод бывшей Екатеринославской губернии), В. И. Даляр с молодых лет увлекся собиранием слов народного, точнее «крестьянского» языка, сделал эту работу главной целью своей жизни и лет за десять до своей смерти оформил все собранные им материалы в виде знаменитого монументального труда: «Толковый словарь живого великорусского языка», первое издание в четырех томах (1861—1866), содержащее около 200 000 слов русского языка. Для сравнения, определяющего лексическое богатство Толкового словаря Даля, укажем, что последний полный академический «Словарь церковнославянского и русского языка», изданный в 1847 году, заключает в себе только 114 749 слов.

Лексическое богатство Толкового словаря Даля объясняется тем, что его составитель широко и правильно понимал задачи своего труда. В словаре Даляр хотел представить

весь «живой» русский язык, народный и литературный, язык городов, сел и деревень, речь всех классов общества: привилегированных — дворян, чиновников, духовенства, купечества, и непривилегированных — крестьян и мещан. Но Даль не сузил свою цельхватом одного только «живого» языка. Он использовал академические и другие слова-ри своего времени и, таким образом, дал русским читателям полную картину всего русского языка, «живого» и книжного, литературного. При широком образовании, особенно знании наук о человеке и природе (Даль составил хорошие учебники по ботанике и зоологии), автор Толкового словаря также хорошо знал языки (например, немецкий, латинский), обладал незаурядным литературным талантом, имел большие склонности и способности к разного рода техническим работам, был, как говорится, «мастером на все руки»; при всех этих знаниях и способностях, при большом, здравом практическом уме, при многостороннем вдумчивом жизненном опыте, при упорном труде Даль превосходно справился с необъятными задачами лексиколога и лексикографа, который собственно должен понимать и истолковывать все. Не будучи филологом по научной подготовке, даже — несколько манерно — откращиваясь от грамматики, В. И. Даль оказался настоящим филологом в

своей практической работе над словарем русского языка, всегда точно разъяснявшим основное и необходимое во всяком лингвистическом словаре: слово, его форму, значение и употребление.

Подобно широко образованным филологам, Даль изучал русское слово во всех реальных его проявлениях. Ему принадлежат капитальные работы по собиранию памятников народного творчества: былин, разнообразных народных песен, сказок, легенд. Даль собрал и издал самый полный сборник русских пословиц, более 30 000. Им также составлена ценнейшая коллекция русских народных картин, замечательная и по рисункам и по текстам, которая находится теперь в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (шесть томов картин и, кроме того, много иллюстрированных старопечатных сказок). Даль оставил ценные работы по этнографии, касающиеся крестьянского быта и народных суеверий. Еще более замечательны труды Даля по диалектологии русского языка. Даль интересовался также историей русского языка, изучая древние памятники и документы, отыскивая в них древние слова и объясняя их на основании данных народного языка.

Все эти знания и работы Даля, недоступные ни для кого другого в такой сложности, дали ему возможность в таком необыкновенном богатстве и точности представить но-

Талантливый педагог и ученый, член-корреспондент АН СССР Василий Ильич Чернышев (1867—1949) высоко ценил деятельность Владимира Ивановича Даля и особенно его «Толковый словарь живого великорусского языка». «Большая часть трудов, которыми занимался В. И. Даль, была и мне лично всегда близка и дорога», — писал Василий Ильич.

Публикуемая статья является частью большой работы В. И. Чернышева «В. И. Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа», написанной в 1947 году к 75-летию со дня смерти В. И. Даля. Рукопись хранится в Институте русского языка Академии наук СССР и вскоре будет полностью напечатана в двухтомнике «Избранные труды» В. И. Чернышева, подготовляемом в издательстве «Просвещение». Материал публикуется впервые. Текст статьи подготовил кандидат филологических наук И. Ф. Протченко.

Редакционные примечания даны в квадратных скобках [], сокращения текста — в угловых <...>.

исчерпаемые лексические запасы русского языка в своем Толковом словаре. Вот почему Толковый словарь Даля, высоко оцененный со временем его появления, был необходимым настольным пособием для писателей и ученых и вышел до революции в четырех изданиях. (...) Значение Толкового словаря Даля признано первым авторитетом нашего времени, вождем нашей революции В. И. Лениным, который 18 января 1920 года писал А. В. Луначарскому: «Тов. Луначарский! Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...» (...) [В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122]. В Советской России Словарь Даля переиздан в 1935 году. [Последнее издание Словаря Даля вышло в 1955 году]. Понятно, что словарь русского языка, составленный в эпоху, так отдаленную от нас не только по времени, но еще более — по государственному строю, политической идеологии, развитию науки и техники, не может удовлетворить всем нуждам нашего времени. Но пока мы пользуемся дореволюционной литературой, пока сталкиваемся с русским народным языком, Толковый словарь Даля оказывается для нас необходимым пособием.

(...) И. С. Тургенев в своей критической заметке о сочинениях Даля, вышедших в 1846 году, говорит: «Г-н Дауль, должно быть, провел некоторые годы своей жизни на юге и на востоке России..., да, впрочем, где он не бывал!» (И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1956).

В. И. Дауль и сам говорит о себе, что «разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях низшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам ознакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний» («Напутное слово» — [Предисловие к «Толковому словарю»]).

(...) Заметим еще, что В. И. Дауль обладал большими техническими способностями. Он не только чинил крестьянам борону, как вспоминает

об этом П. И. Мельников [см.: «Критико-биографический очерк» В. И. Даля, — «Полное собрание сочинений В. Даля». Т. I. СПб.— М., 1897]. В походе в 1831 году Дауль за неимением инженера, по приказанию командования навел мост через Вислу, спустил его вниз по реке к другому месту и разрушил его, когда это было нужно.

(...) Замечательно начало Толкового словаря Даля, о котором в «Критико-биографическом очерке» Даля П. И. Мельников рассказывает так: «Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву... ехал молоденький мичман. Мичманская одежда с иголочки плохо его грела. Молоденький мичман жался в санях. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогнувшему до костей моряку указал на пасмурнешее небо — верный признак перемены к теплу. — Замолаживает! — сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумилось. — Как замолаживает? — спросил он. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: „Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит: заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью“» (там же, стр. XVI—XVII).

Эта запись сделана, когда напечему будущему лексикографу было всего 17 с небольшим лет, но уже тогда он: 1) записывает областное слово тотчас же, 2) придает записанному слову словарную форму, 3) точно объясняет его значение и 4) указывает место записи. Замечу, что собранный потом Далем словарный материал был так громаден, что он не мог вполне его использовать. В тексте Толкового словаря данное слово не показано, между прочим, как новгородское.

Затем в течение почти всей своей жизни, от юности до старости, Дауль собирает материалы для своего главного труда. Интересны условия собирания Далем лексического материала для Толкового словаря. В книге «Солдатские досуги» Дауль, обра-

щаясь к своим читателям, говорит, что он предлагает им книжку для чтения, написанную человеком, «который сам сиживал с вами за огнемком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, видел его и в чистом поле». Словом, В. И. Даль был человек, который, по старинному выражению, «терпел голод и холод и всю нужду солдатскую». Итак, первое условие, при котором производилось Далем собирание лексических материалов для своего Толкового словаря,—близость к народу, непосредственное с ним общение. Об этом собирании мы скажем его собственными словами: «Нигде это не было так удобно, как в походах. Бывало, на дневке где-нибудь соберешься вокруг себя солдат из разных мест, да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений» (П. И. Мельников, там же, стр. XX). П. И. Мельников, объезжавший иногда с Далем удельные имения в бывшей Новгородской губернии, говорит о расположении к автору Толкового словаря крестьян, об умении его с ними обращаться. Они не хотели даже верить, что Даль — не природный русский человек. «Он ровно в деревне взрос, на палатах вскормлен, на печи вспоён», — говорили они. — «И до всякого до крестьянского дела какой он доточенный!» Даль, приехав в деревню, обойдет всех больных как врач: кому сделает операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет, кого снабдит лекарством. Он и борону починит, и научит, как делать, чтобы в избе не было угара, чтобы зимой не текло с окон, и больную скотину полечит...

Громадный труд Дalia по собиранию словарных материалов стал наконец формироваться в Толковый словарь. Эта работа по приведению в порядок, по оформлению чрезвычайно большого материала требовала очень усердного труда и отнимала много времени. Даль еще не применял наших приемов разнесения слов, значений и примеров на карточки. Он писал свой материал под-

ряд, разрезал его на полоски, затем раскладывал в нужном порядке и склеивал. Исправления текста, перестановки его были при таком приеме работы очень затруднительны. К счастью, Даль писал каллиграфически, чрезвычайно мелким и четким, «бисерным» почерком. Целые годы шли на то, чтобы подготовить громадную рукопись Толкового словаря к печатанию. Окончательно отредактировать текст Толкового словаря нашему автору удалось уже в старости, а издать его он мог только в последние годы своей жизни (1861—1866).

Труд Дalia по собиранию материалов и их обработке был великий. Не менее труда было положено и на его оформление в рукописи и печатание. Это был настоящий подвиг ученого, писателя и гражданина. Автор иногда изнемогал над громадностью своей работы, но никогда не приходил в отчаянье, сознавая глубокую и многостороннюю важность своего труда.

Силы труженика слабели, а работы оставалось еще очень много.

30 июня 1857 года Даль писал М. П. Погодину: «Посоветуйте, как быть мне: сил для службы не достаточно, хилею со дня на день — а хотелось бы поработать... над Словарем, который дошел только до „З“. Но, вышедши в отставку, я могу рассчитывать всего-навсего только, и с пенсней, на две тысячи доходу: как с этим проживу со своей семьей в Москве?» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1898, стр. 312). Конечно, здесь говорится о годовом доходе.

Освободившись наконец от службы и переехав в конце 1859 года в Москву, Даль привез Толковый словарь в обработанном виде до буквы «П» включительно. О последующей работе биограф его П. И. Мельников говорит: «В Москве недуги Дalia усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говорил: „Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду!“» (П. И. Мельников, там же, стр. LXVI). Затем с окончанием Толкового словаря в рукописи возникли новые заботы и тревоги об издании этого огромного труда. Здесь на первых порах при-

шло на помощь Общество любителей российской словесности при Московском университете. Толковый словарь Даля начали печатать и окончили при жизни его автора, под его постоянным, неутомимым руководством. В. И. Даля был и автором, и редактором, и корректором своего Толкового словаря.

Не говоря уже о громадном труде сортирования, обработки и приготовления к печати Толкового словаря, необходимо обратить внимание и на труды автора только по одному печатанию. Как кропотлива и сложна была эта работа, достаточно определяет один факт: для того чтобы окончательно просмотреть и подготовить к печати свой словарь, Даляр должен был лично держать до четырнадцати корректур трехсот тридцати печатных листов большого формата. И на всю эту громадную работу, которая, однако, представляет лишь последний видимый нам шаг в издании словаря, на всю эту работу употреблена была, как сам составитель выражается, одна пара старых глаз.

Если припомнить дату первой записи для Толкового словаря, в марте 1819 года, и сопоставим ее с выходом в свет IV, последнего, тома в 1866 году, то увидим, что Даляр отдал своему Толковому словарю около 47 лет своей трудовой жизни.

«...» Как же был встречен и оценен этот памятник русского языка, Толковый словарь Даля, и какое он имел и имеет значение?

Еще до печатания Толковый словарь Даля был высоко оценен Обществом любителей российской словесности. Председатель этого Общества А. С. Хомяков в своей речи на публичном заседании Общества 6 марта 1860 года говорил: «Я счастлив тем, что могу поздравить наше Общество с успехами и приобретениями, сделанными нами в последнее время. Наш сочинен В. И. Даляр захотел соединить с именем нашего Общества честь и, скажу более, славу многолетнего своего предприятия — Русского словаря. Ревностный и просвещенный наш сочинен А. И. Кошелев доставил Обществу средства для этого дорогого и трудного издания... Предупредив,

что сам В. И. Даляр выступит в данном собрании с сообщением о задаче и цели своего Словаря, Хомяков продолжал: «Конечно, никто не может лучше самого автора объяснить его взгляд на труд, им совершенный; но позвольте мне от себя сказать несколько слов, которых он не скажет. Богатство слов и первое их определение составляют бесспорно величайшее достоинство в Словаре, но еще важнее внутренний его характер. Словарь В. И. Даля резко отличается от всех, появившихся прежде его: это будет Словарь не языка книжного и письменного, но языка устного; не языка мертвого, а живого: в нем выступит ясно и отчетливо все богатство, вся своеобразность, вся затейливость Русского слова. В нем... увидим не простое собрание слов, но самую ту живую мысль, которую привыкли называть языком народным» (Н. Барсуков. Кн. 17, стр. 426).

По выходе в свет Толкового словаря академик М. П. Погодин писал в Академию (т. е. Отделение русского языка и словесности): «Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии, и упразднившееся место предоставить Даля. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию».

Конечно, подобная жеребьевка была немыслима. В. И. Даляр был вместо этого предложен в почетные члены Академии [наук] и избран единогласно. По отзыву академика Я. К. Грота, содержавшему критический разбор Толкового словаря Даля, Академия наук присудила автору этого труда Ломоносовскую премию.

Общество любителей российской словесности единогласно избрало В. И. Даля как автора Толкового словаря своим почетным членом и отправило к нему депутатию во главе с председателем и многими членами с просьбой: «Сделать Обществу высокую честь — принять звание почетного его члена».

Родной для Даля Дерптский университет прислал ему за Толковый

словарь диплом и присудил премию, назначенную для наград «за знаменитые успехи в области языкоznания».

«...» Главная задача Толкового словаря, как ставил ее сам автор: дать в возможно более полном объеме лексику всего живого русского языка, литературного и народного, оказалась, как мы это видели раньше, перевыполненной.

Стремясь включить в свой Толковый словарь наличные лексические фонды словарей Академии наук и других, Даль нередко, вопреки своей задаче, давал в Толковом словаре место не только словам чисто книжным, но также словам отжившим, архаизмам и славянизмам, отличающим поэтический язык, и т. п.

Задача составления Толкового словаря живого русского языка в силу практических надобностей подменилась другой, более широкой, почти всеобъемлющей: дать справочный лексикон всех русских слов, разговорных и книжных.

В самом деле, чтобы охватить, например, язык одного Пушкина (а об этом трудно забыть, составляя словарь русского языка), нельзя было пропускать в Толковом словаре такие неживые славянизмы, как: *алкать*, *глаголет*, *гласит*, *рек*, *глагол* (слово), *дабы*, *да* (пусть), *заемлет*, *зрит*, *подъемлет*, *приемлет*, *отверзлись*, *отторгать*, *убиенный*, *почто*, *тожмо* и т. д., и т. д. Ясно, что составителю Толкового словаря приходилось в данном случае широко пользоваться академическим Словарем 1847 года, построенным на чисто книжной, церковной и русской литературной лексике. Конечно, Даль не должен был задаваться [целью] и физически не мог исчерпать и истолковать язык писателей во всей его книжной части, но, несомненно, он хотел дать все для него возможное в этом отношении. Это возможное, очевидно, заключалось в пределах его памяти, а эти пределы были весьма обширны.

Мы взяли выше несколько славянизмов из текстов Пушкина без какого-либо подбора, случайно, и оказалось, что все они находятся в Толковом словаре Даля. Объяснения подобных слов здесь очень ин-

тересны. В редких случаях такие слова стоят у Даля одиноко с по-метой *церк.* (церковное). В большинстве он находит для них соответствие в народном языке (например: *почтó*, *церк.* и обл. [областное], *пошто* и *поштó*: *Почтó ты пришел?*), или же указывает близкие к ним живые слова производные, или дает пословицы с подобными словами.

Таким образом, наглядно обнаруживаются признаки живучести многих старых славянизмов в полном словаре русского языка, особенно родство их с другими «живыми» словами. Например, при слове *алкать* даются хорошо известные и в разговорном языке прилагательные *алчный*, обл. *алаший*, существительное *алчность*, пословица *Алчен в кухарне, жаден в пивоварне...* и т. п.; при *мертвом глас* показаны распространенные живые производные: *глásный*, *глásность*, обл. *Гла-сится, ему не сдобровать*, орл. [орловское] *Слышился, молва идет*; при *займáть*, *зайтъ* даются народные формы: *не заемай, не замай — не тронь, дай покой и*, очевидно, областной пример: *Много места зáял*; при *зреть* (смотреть) приведена распространенная поговорка: *Гляди в оба, зри в три*; при *отторгать* дается пример: *Отторгать гесницы от решетин* (очевидно, взятый из живого народного языка). По поводу таких слов и примеров А. Н. Пыпин выставлял требования: обязательно указывать, где и от кого слышано всякое новое, неизвестное в живом и книжном обращении народное слово. Даль возражал, что, записавши в течение 40 лет более 80 тысяч слов, он не всегда имел возможность это сделать, потому что ему приходилось хватать слова на лету, в непринужденной беседе, при случайных встречах и т. п.

Со своей стороны, я думаю, что если даже Даль и составил такой пример по памяти, то мы все-таки можем верить его знанию русского народного языка и тем более его научной добросовестности. Подобные слова мы часто слышим в народе, например в ленинградском просторечии, с пропуском конечно же задненебного основы слова перед ним имеем: *втбрнуть*, *тёрни* ‘всунуть’, ‘сунь’. И мы много потеряли бы, если

бы автор Толкового словаря, подвергнув жесткому отбору содержание своего Словаря, выбросил из него все слова, которые он не мог, так сказать, точно документировать, т. е. при каждом народном слове писать, как он сам несколько иронически говорит: «Сыпано в деревне Поповой Семеновского уезда Нижегородской губернии от крестьянки Макаровой».

Вторая задача Толкового словаря Даля — дать в нем полное собрание слов народного языка *главным образом* в той мере, в какой они собраны в течение 40 лет жизни нашего лексикографа, выполнена с исключительным вниманием и редкими талантами наблюдателя и лексиколога.

Есть, впрочем, указание Я. К. Грота (см. его «Записку о Толковом словаре Даля» в «Сборнике статей ОРЯС» (Отделения русского языка и словесности). Т. 7, № 10. СПб., 1870), что народные слова из печатных источников, а также из русских писателей Даляр не исчерпал. Несмотря на это, такого богатого и точного Словаря русского народного языка мы не имеем в русской лексикографии до настоящего времени.

Мысли о пользе и важности собирания и изучения народной лексики высказывались у нас давно. В «Вестнике Европы» еще в 1811 году было сделано замечание, что многие слова, употребляемые теперь только в простонародном языке, некогда могли быть «благороднейшими выражениями», в 1817 году в том же журнале говорилось: «Нельзя не заметить, что во многих словах, совершенно забытых в языке старого общества, но сохранивших где-нибудь между крестьянами, скрываются объяснения на историю нашего отечества».

И. Ф. Калайдович в 1824 году в «Трудах Ооцества любителей российской словесности» уже прямо указывал, что «весьма бы не худо было собрать словарь языка простого народа и показать грамматические отличия одного от чистого, общепотребительного наречия». Подобным образом высказывались еще раньше Калайдовича Ф. Н. Глинка, М. Н. Макаров, Н. И. Греч

(см. В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 393—394). Дело, однако, сводилось только к собиранию небольших списков областных слов, которые печатались с начала 20-х годов в «Трудах Общества любителей российской словесности» и в других изданиях. Один только В. И. Даляр взялся за это дело с необыкновенной энергией, обдумал его глубоко и выполнил в самом широком плане, отдав своему Толковому словарю сорок семь лет своей трудовой жизни.

Правда, Отделение русского языка и словесности Академии наук издало еще в 1852 году весьма ценный «Опыт областного великорусского словаря» и в 1858 году «Дополнение» к нему, превышающее своим объемом этот «Опыт», но материалы, собранные Далем, оказались и богаче и точнее.

При этом В. И. Даляр, критически использовав данные двух названных областных словарей Академии наук, соединил их с материалами своего Толкового словаря и, таким образом, дал в нем самое полное и для нашего времени собрание в едином всем, известной ему по собственным наблюдениям и по основным печатным источникам, диалектной и народной лексики.

Третья задача Даля состояла в объединении словаря, народного и литературного, на основе живого языка народа и образованного русского общества.

Мысль о том, что народный язык должен быть включен в полный словарь русского языка, казавшаяся в свое время плодом увлечения и домыслом дилетанта, в последующее время нашла для себя теоретическое подтверждение и осуществление в Словаре самой Академии наук. Именно по проекту работы над академическим «Словарем русского языка», составленному академиком А. А. Шахматовым и принятому Отделением русского языка и словесности Академии наук, было установлено, «что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык... Таким образом „Словарь русского языка“ по своему объему и своим задачам приближается к „Толковому словарю живого великорусского языка“ Даля».

По поводу того, что в Словаре Даля впервые соединены два языка — язык письменный и живой язык современных русских говоров, Огделение русского языка и словесности признало, что «это нисколько не умалило его значения, как справочного руководства: он удовлетворяет вполне и научным и практическим требованиям» (см.: Предисловие к «Словарю русского языка», Т. II. СПб., 1907). С изданием Толкового [словаря] для Даля несколько исполнилась и заветная его мечта — дать пособие для преобразования литературного языка по источникам и образцам народного. Правда, сам В. И. Даль представлял эту цель слишком прямоLINейно, но мысль об использовании в литературном языке живой русской народной речи проводилась в русской литературе передовыми ее писателями давно и последовательно еще со времен Крылова и Пушкина.

«...» Впрочем, едва ли одни только какие-либо книжные пособия и источники собственно могли создавать и питать это направление: необходимо было прежде всего непосредственное сближение с народом, получение писателями народной лексики из первых рук, как это видим и теперь, например, в произведениях М. А. Шолохова.

«...» Толковый Словарь Даля охватывает с возможной для него полнотой весь русский народный язык, а не только областной, провинциализмы, диалектизмы.

Толковый словарь Даля необыкновенно полон и в отношении предметного его содержания. В. И. Даль не ограничивает объем своего Словаря какими-либо избранными отделами лексики. Он стремится охватить всю жизнь народа, все стороны его деятельности и общественных отношений, весь запас его знаний, весь его быт, все его нравы и верования, вообще все, что выражается русским словом.

Если язык, в понимании большинства славян,— народ, то и словарь каждого из их языков, в том числе и русского языка, должен быть картиной жизни этого народа. И Толковый словарь Даля дает нам в значительном, основном содержании

богатую картину жизни русского народа, выраженную в его необъятно распостраненном по Европе и Азии языке, в пределах СССР.

Русский народный язык Даль захватил в эпоху его наибольшей сохранности, описал точно и обширно и, таким образом, сохранил для нас многие особенности нашего живого языка, которые теперь уже утрачены или совсем или в значительной мере. Такие «забытые» или «полузабытые» слова мы можем еще встретить в некоторых памятниках русского языка, в литературных произведениях старшой эпохи, но без подтверждения их данными живого языка, которые мы находим в Словаре Даля, такие «местные» слова иногда могут оказаться совершенно непонятными. Даль собирал слова русской народной жизни в крепостной, технически отсталой России, где господствовали первобытные ручные промыслы, где сохранялся весьма старый быт народа, совершенно необразованного, но тем более сохранившего старину жизни и понятий, веками сидевшего на старых местах своего жительства.

В условиях того времени русские диалекты были более замкнуты и хорошо сохраняли старый народный язык. Лексику таких диалектов и собирал В. И. Даль. Он собирал ее страстно, жадно, неутомимо в течение многих лет своей жизни, от молодости до старости, до того времени, когда закрепил ее навсегда в своем монументальном, знаменитом труде: «Толковый словарь живого великорусского языка», который является драгоценной сокровищницей живой русской речи, насколько она сохранилась во время жизни ее собирателя. Самое главное в словарной работе Даля — полнота, прочная обоснованность и многосторонность. С самого начала своего труда Даль понимал, что словарь русского языка не есть простое собрание русских слов и выражений. В его представлении такой словарь был системой взаимно связанных слов и выражений с определенными значениями, с прикреплением к времени и месту собранных с соблюдением всех условий точного наблюдения и описания фактов языка.

«...» В некоторых отношениях

Словарь Даля дает такой материал, на который наши лексикографы обращали очень мало внимания. Это, так называемые, «условные» языки торговцев и ремесленников, «тайный» язык воров, школьные жаргоны учащихся и т. п. Как наблюдательный писатель, Даляр если не первый, то один из первых обратил на них внимание уже в своих ранних литературных произведениях.

В написанном в 30-х годах рассказе «Мичман Поцелуев» (глава V) Даляр говорит: «Поцелуев, по крайней мере, обогатил в корпусе знание русского языка; и вот вам целый список новых слов, принятых и понятых в морском корпусе; читайте и отгадывайте: *бадяга*, *бадяжка*, *бадяжник*, *новичок*, *неглениный*, *копчикка*, *старик*, *старина*, *стариковатъ*, *кутило*, *огуряться*, *огуряло*, *отказаной*, *отчаянный*, *чугунный*, *жила*, *жилить* и т. п.». Здесь автор указывает, что *огуряться* вошло в корпусе от повгородцев, поступавших туда прежде в большом числе. Такое же областное происхождение можно указать и в некоторых других словах, указанных здесь [в рассказе] автором в качестве «школьных». Некоторые из «школьных» слов и выражений вошли потом в широкое общее употребление. Таково, например, приведенное (...) Далем выражение: «втереть очки». По воспоминаниям П. И. Мельникова, указанные (...) Далем 34 слова кадетского жаргона приведены им не по записи, а по памяти. Жаль, что автор тут же их не объяснил. В Толковом словаре находим: *бадяжник* «шут, ...проказник, ...весельчак»; *бадяжничать* «шутить, ...дурачиться» (но эти слова и значения показаны и в академическом Словаре 1847 года); *отказаной вор* «отчаянный, отбившийся от рук». Вообще же значение этих 34-х слов во многих случаях остается для нас закрытым.

В рассказе «Петербургский дворник» говорится, что старший дворник Григорий понимал отчасти язык петербургских мошенников и учил ему младшего дворника Ивана. *Стырить камлюх*, т. е. «украсть шапку»; *перетыгить жулику коньки и грабли*, т. е. «передать помощнику — мальчишке [украденные] сапоги и перчатки»; ...*увести скамейку*, т. е. «по-

шадь», — все это понимал Григорий без перевода и однажды сильно на- смешил веселого Ивана, когда... небольшая шайка [воров] проходила... от разъезда театра и, увидев товарища, поставленного для наблюдения за *ширманами* (т. е. «за карманами») пешеходов, встретила его вопросом: *что клею?*, т. е. «много ли промышли?» А Григорий отвечал спокойно: *бабки, веснухи да лепень*, т. е. «деньги, часы да платок», и мошенники с недоумением посмотрели на Григория, не зная, *мазурик* ли это, т. е. «товарищ», или предатель.

Даляр в своем Толковом словаре дает при разных словах небольшие списки слов из лексикона таких профессиональных языков или жаргонов, например, под словами *байковый* (*байковый язык* или *мұзыка* — язык воров); *афёня* (*оффёня, оффёнский язык* — язык коробейников, бродячих торговцев тканями и мелкими товарами); *мазурик* (образцы языка воров); *шерстобит* (язык костромских шерстобитов); *празд* и др. Мы уже указали, что слова из таких искусственных, арготических языков, жаргонов частью вошли в литературный язык. Так, например, слово *жулик* на оффенском языке значит «ножик». Шире они распространены в областных говорах, например, во владимирских: *клево* «хорошо» и т. п. — от коробейников. Специалисты давно указали в таких «искусственных» языках слова не-русских наших соседей, свидетельствующие о древних торговых международных связях. Так, в оффенском языке, особенно счете, обнаружены слова греческие. Сам В. И. Даляр указывает в языке конских барышников (под словом *конский*) татарские слова и счет. Это — следы давних торговых сношений с народами Востока.

В статье «О русском словаре» Даляр указывает, что в «Областной словарь» Академии наук десятками вставлены паряду с русскими оффенскими слова. В Толковом словаре, благодаря большой осведомленности автора с подобными языками-жаргонами, такие ошибки не встречаются и в этом его большое научное достоинство.